1Б 94
339

ЛБ94 339

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА ВОЙНЫ.

№ 1.

НА ВЕРХОВНОМЪ СУДѢ ЦИВИЛИЗАЦІИ.

Николай Николаевичъ Кравченко

ДѢЛО ТРОЙСТВЕННАГО СОГЛАСІЯ И ДВОЙСТВЕННАГО СОЮЗА.

Обвинительный актъ,

составленный ДЖЕМСОМЪ М. БЭКОМЪ,

бывш. тов. генералъ-прокурора

Сѣв.-Амер. Соедин. Штатовъ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО І. А. МАЕВСКАГО.
МОСКВА. 1915.

Государств. публичная
историческая
библиотека РСФСР
1232652 V м

МОСКВА—1915
Т-ВО ТИПОГРАФІИ А. И. МАМОНТОВА,
Арбатская площадь, Филипповскій пер., д. 11.

1694
339

Дѣло Двойственнаго Союза противъ Тройственнаго Согласія.

Если бы документальныя доказательства, въ видѣ „Бѣлыхъ“, „Оранжевыхъ“ и „Сѣрыхъ“ книгъ воюющихъ націй, были представлены верховному суду современной цивилизаціи и разобраны юристами съ точки зрѣнія права, то кто оказался бы виновнымъ въ подстрекательствѣ и въ вызовѣ Европейской Войны?

Предположимъ, что въ нынѣшній, Божьей немилостью, 1915-ый годъ имѣется въ наличности (какъ это несомнѣнно въ будущемъ и будетъ) Верховный Судъ Цивилизаціи, на которомъ державы разрѣшаютъ возникающіе между ними споры, не прибѣгая къ преступному и мало дѣйствительному посредничеству оружія.

Далѣе, предположимъ, что и въ самыхъ націяхъ имѣется надлежащая доля христіанской закваски, благодаря которой онѣ въ состояніи склоняться не только передъ пушкой и винтовкой, но также и передъ голосомъ справедливости и права.

Каково же было бы рѣшеніе этого высокаго трибунала?

Всякій разговоръ объ этической сторонѣ происходящаго на нашихъ глазахъ великаго столкновенія долженъ исходить съ предпосылки, что международная этика *существуетъ*.

Потрясеніе основъ.

Однако, нѣкоторые нравственные выродки подвергаютъ сомнѣнію даже эту основную аксіому, на которую опирается вся наша цивилизація. Нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, что всѣ нравственныя соображенія должны склоняться передъ военною необходимостью и передъ исторической необходимостью: такова доктрина Бернгарди.

Другіе говорятъ, что война является роковой и вмѣстѣ съ тѣмъ благодѣтельной необходимостью, и что, слѣдовательно, всѣ вовлеченныя въ нее державы — въ одинаковой мѣрѣ правы. По этой теоріи всѣ воюющія въ настоящее время державы являются въ одинаковой мѣрѣ жертвами непреодолимаго теченія событій, и главнѣйшей обязанностью государства въ мирное время является подготовка систематическаго истребленія своихъ сосѣдей.

Однако, несмотря на всѣ остроумныя пошлости, которыми облекаются обѣ эти теоріи, здоровое нравственное чувство говоритъ намъ, что нынѣшняя война является чудовищнымъ преступленіемъ противъ цивилизаціи, и вопросъ только въ томъ: которая изъ двухъ воюющихъ группъ державъ является повинной въ этомъ преступленіи?

Кто былъ правъ?

Была ли права Австрія, объявляя войну Сербіи?

Была ли права Германія, объявляя войну Россіи и Франціи?

Была ли права Англія, объявляя войну Германіи?

Такъ какъ послѣдній вопросъ разрѣшается наиболѣе легко и просто, то мы въ первую голову разсмотримъ именно его.

Оправданія Англіи.

Англія въ свое оправданіе ссылается на договоръ 1839-го года, по которому Пруссія, Франція, Англія, Австрія и Россія «гарантировали вѣчный нейтралитетъ» Бельгіи, при чемъ графъ Бисмаркъ, въ качествѣ канцлера Германской Имперіи, подтвердилъ его 22-го іюля 1870-го года, и Германія, какъ это видно изъ бельгійской «Сѣрой Книги», признавала его еще передъ самой войной.

Весною 1913-го года, во время обсужденія бюджета военнаго министерства въ бюджетной комиссіи германскаго рейхстага, имперскій статсъ-секретарь сдѣлалъ слѣдующее заявленіе:

«Нейтралитетъ Бельгіи обезпечивается международными договорами, и Германія намѣрена ихъ соблюдать».

Къ этому заявленію военный министръ добавилъ на томъ же засѣданіи:

«Бельгія не играетъ никакой роли въ новыхъ планахъ дислокаціи германской арміи, которые вызваны исключительно положеніемъ дѣлъ на Востокѣ. Германія никогда не забудетъ, что нейтралитетъ Бельгіи гарантированъ международными договорами».

Годъ спустя, $^{31}/_{18}$ іюля 1914-го года, германскій посланникъ въ Брюсселѣ, фонъ-Бюловъ, сообщилъ бельгійскому министру иностранныхъ дѣлъ, что въ 1911-омъ году германскій канцлеръ категорически заявилъ, что Германія не помышляетъ о нарушеніи нейтралитета Бельгіи и что онъ «увѣренъ въ томъ, что отношеніе это съ тѣхъ поръ не измѣнилось». (См. Бельгійская «Сѣрая Книга», №№ 11 и 12).

Впрочемъ, казалось бы, что не стоило бы и вспоминать объ этихъ торжественныхъ заявленіяхъ послѣ того, какъ нынѣшній канцлеръ германской имперіи 4-го августа/22-го іюля 1914-го года откровенно при-

знался передъ рейхстагомъ и всѣмъ міромъ, что вторженіе германскихъ войскъ на территорію Бельгіи было нарушеніемъ закона. Онъ сказалъ слѣдующее:

«Мы находимся передъ лицомъ необходимости, а необходимость не считается ни съ какими законами. Наши войска заняли Люксембургъ, и возможно, что въ настоящее время они уже находятся на бельгійской территоріи. Господа, это противно нормамъ международнаго права. Правда, французское правительство заявило въ Брюсселѣ, что Франція согласна уважать нейтралитетъ Бельгіи до тѣхъ поръ, пока его не нарушитъ противная сторона. Однако, намъ было извѣстно, что Франція готовилась вторгнуться въ предѣлы Бельгіи. У Франціи была возможность ждать, но мы ждать не могли. Движеніе французской арміи на нашъ флангъ въ нижнемъ теченіи Рейна могло бы оказаться для насъ роковымъ, поэтому мы были принуждены игнорировать справедливые протесты люксембургскаго и бельгійскаго правительствъ. Мы нарушили законъ, я это откровенно признаю; но мы постараемся исправить зло, какъ только будетъ достигнута преслѣдуемая нами военная задача. Всякъ, кто подвергается такой опасности, какъ мы, всякъ, кто борется за свое высшее достояніе, долженъ думать только объ одномъ — о томъ, чтобы пробиться куда нужно».

Это даже не защита — это полное признаніе своей виновности передъ лицомъ всего міра; въ его пользу можно сказать только одно — что оно не отягощаетъ преступленіе лицемѣріемъ. Оно ставитъ Германію подъ эгиду ученія Трейчке и Бернгарди, проповѣдующихъ, что каждая нація имѣетъ право напрячь всѣ физическія силы до послѣдней возможности для защиты своихъ эгоистическихъ интересовъ. Въ этомъ ученіи нѣтъ ничего новаго, но можно удивляться тому, что оно вновь

ожило въ XX-омъ столѣтіи. Его проповѣдывалъ, и гораздо болѣе талантливо, Макіавелли въ своемъ трактатѣ «О государѣ», въ которомъ онъ выхвалялъ политику Чезаре Борджіа, безжалостно терроризировавшаго болѣе слабыя итальянскія государства и примѣнявшаго по отношенію къ нимъ всевозможныя безчинства, звѣрства и самый низкій обманъ. И въ самомъ дѣлѣ, ничѣмъ не вызванное опустошеніе Бельгіи является чистѣйшимъ борджіанизмомъ, но усиленнымъ въ десять тысячъ разъ, благодаря современнымъ военно-техническимъ усовершенствованіямъ.

Этика штыка.

Если только наша хваленая цивилизація не является лишь тончайшимъ слоемъ лака, покрывающимъ собою чистѣйшее варварство; если кромѣ штыка существуетъ и настоящая этика, а кромѣ пушки — совѣсть; если только человѣчество со временъ каменнаго періода не сдѣлало въ нравственномъ отношеніи ни одного шага впередъ — то отвѣтъ Германіи безусловно не удовлетворитъ общественнаго мнѣнія современнаго міра. Заявленіе Германіи, что мирный договоръ является лишь «клочкомъ бумаги», который можно игнорировать, какъ только этого потребуютъ эгоистическіе интересы одной изъ договаривавшихся сторонъ, является отрицаніемъ всѣхъ нравственныхъ завоеваній нашей цивилизаціи.

Бельгію распяли передъ лицомъ всего міра. Она была абсолютно неповинна въ чемъ бы то ни было, а, между тѣмъ, на нее напали — это ясно само собою и не требуетъ никакихъ доказательствъ. Она добровольно пожертвовала собою, поднявшись на защиту своего нейтралитета. Въ этомъ отношеніи не можетъ быть никакихъ сомнѣній, и верховный судъ могъ бы вынести лишь одинъ приговоръ — приговоръ убійственный.

Война дипломатовъ.

Гораздо труднѣе отвѣтить на остальные два вопроса. Здѣсь весь этическій вопросъ сводится къ дѣйствіямъ дипломатовъ, оживленно обмѣнивавшихся сообщеніями и нотами въ теченіе послѣдней недѣли передъ войной. Въ самомъ дѣлѣ, самой поразительною особенностью величайшей въ исторіи міра войны является то, что она была вызвана дипломатами; даже если допустить, что всѣ дипломаты искренно желали мирнаго разрѣшенія вопросовъ, поднятыхъ австрійскимъ ультиматумомъ (въ чемъ есть полное основаніе сомнѣваться), то придется признать, что дипломатія въ данномъ случаѣ дѣйствовала по меньшей мѣрѣ не удовлетворительно и не ловко.

Я вовсе не смѣшиваю непосредственныхъ поводовъ къ войнѣ съ ея болѣе глубокими и давно нараставшими причинами. Однако же, я знаю, что $^{23}/_{10}$ іюля 1914 года Европа находилась въ состояніи обычнаго лѣтняго затишья и покоя, какъ вдругъ австрійскій ультиматумъ поднимаетъ вопросъ, задѣвающій національную честь одной изъ державъ и нарушающій европейское равновѣсіе; тогда, въ теченіе приблизительно одной недѣли, между державами происходитъ оживленный обмѣнъ дипломатическими сообщеніями, имѣвшими цѣлью предупрежденіе войны, а между тѣмъ въ результатѣ ихъ война разражается, и страшный Рубиконъ пройденъ, прежде чѣмъ народы успѣли даже понять сущность тѣхъ вопросовъ, вокругъ которыхъ велся дипломатическій споръ. Такимъ образомъ, этическая сторона вопроса должна разрѣшаться главнымъ образомъ путемъ разбора тѣхъ документовъ, которыми обмѣнялись заинтересованныя державы. На эти документы мы должны смотрѣть такъ, какъ смотритъ судья на документальныя доказательства, представленныя сторонами на судебномъ процессѣ.

Значительная часть этихъ документовъ уже представлена на судъ общественнаго мнѣнія въ видѣ британской и германской «Бѣлыхъ Книгъ» и русской «Оранжевой Книги», и нашею главнѣйшею задачэй является разборъ этихъ документовъ съ цѣлью выяснить, какой приговоръ могъ бы вынести послѣ ихъ разсмотрѣнія совершенно безпристрастный, нелицепріятный судъ.

Сокрытіе Германіей и Австріей документовъ первостепенной важности.

Судъ былъ бы пораженъ прежде всего многозначительнымъ отсутствіемъ завѣдомо существующихъ документовъ первостепенной важности.

Оффиціальныя изданія англійскихъ и русскихъ документовъ не даютъ основанія предполагать, что эти державы воздержались отъ опубликованія какихъ-либо документовъ. Между тѣмъ, изъ самой германской «Бѣлой Книги» видно, что Германія не обнародовала нѣкоторыхъ документовъ первостепенной важности, въ то время какъ Австрія совершенно воздержалась отъ опубликованія какихъ бы то ни было изъ числа тѣхъ документовъ, которые имѣются въ ея архивахъ.

Изъ германской «Бѣлой Книги» явствуетъ, что во время кризиса Германія и Австрія обмѣнялись чрезвычайно важными документами, и не подлежитъ сомнѣнію, что не менѣе важными сообщеніями объ эти страны обмѣнялись и съ Италіей. Хотя положеніе Италіи довольно щекотливо, тѣмъ не менѣе міръ въ правѣ ожидать отъ нея весьма важныхъ разоблаченій. Сущность этихъ разоблаченій уже заранѣе указана тѣмъ, что Италія сразу, безъ дальнихъ размышленій, пришла къ заключенію, что ея союзниками предпринята наступательная война — что освобождало ее отъ какихъ бы то ни было союзническихъ обязательствъ.

Что между Берлиномъ и Вѣной состоялся обмѣнъ сообщеній, текстъ которыхъ до настоящаго времени не опубликованъ — далеко не является лишь предположеніемъ. Германія сама заявляетъ, что она добросовѣстно пыталась повліять на Австрію съ цѣлью сохраненія мира; однако, попытки эти (если онѣ и были) не только не принесли никакихъ практическихъ результатовъ, но *текстъ этихъ сообщеній первостепенной важности до сихъ поръ хранится въ тайнѣ въ вѣнскихъ и берлинскихъ архивахъ.*

Въ оффиціальныхъ документахъ Германіи говорится, что, несмотря на отказъ Австріи принять предложеніе сэра Эдуарда Грэя смотрѣть на отвѣтъ сербскаго правительства, «какъ на основаніе для дальнѣйшихъ переговоровъ» — «мы (Германія) продолжали свои посредническія усилія до послѣдней возможности, совѣтуя Вѣнѣ согласиться на всякое компромиссное рѣшеніе, которое не затрагивало бы ея достоинства какъ государства». (Германская «Бѣлая Книга»).

Это звучало бы болѣе убѣдительно, если бы германское правительство, рядомъ съ прочими документами, опубликовало бы и самый текстъ тѣхъ совѣтовъ, которые оно давало Вѣнѣ.

Такой же многозначительный пропускъ находимъ въ «Бѣлой Книгѣ» въ томъ мѣстѣ, гдѣ Германія заявляетъ, что $^{29}/_{16}$ іюля германское правительство совѣтовало Австріи «начать переговоры съ г. Сазоновымъ». Текстъ этого документа также отсутствуетъ въ «Бѣлой Книгѣ». Въ ней приведены сообщенія, которыми обмѣнялось германское министерство иностранныхъ дѣлъ съ германскими посланниками въ Петербургѣ, Парижѣ и Лондонѣ, но замѣчательно, что наряду съ этими двадцатью семью документами *нѣтъ ни одного изъ тѣхъ сообщеній, которыя были посланы изъ Берлина въ Вѣну, и приводится только одна изъ нотъ, отправленныхъ изъ Вѣны въ Берлинъ.*

Это не можетъ быть объяснено лишь случайностью. Германія сочла нужнымъ и скрыть текстъ тѣхъ сообщеній, которыми она обмѣнялась съ Австріей, и въ то же время яко-бы раскрыть содержаніе нѣкоторыхъ изъ этихъ сообщеній.

Пока Германія не обнародуетъ самые важные изъ имѣющихся въ ея распоряженіи документовъ, она не должна удивляться тому, что цивилизованный міръ, памятуя объ эмской депешѣ Бисмарка, вызвавшей франко-прусскую войну, будетъ относиться съ недовѣріемъ къ сущности ея «посредническихъ усилій».

Претензіи Австріи противъ Сербіи.

Разборъ претензій Австріи противъ Сербіи увлекъ бы насъ далеко отъ изслѣдованія чисто документальныхъ данныхъ, и тогда пришлось бы погрузиться въ область болѣе или менѣе спорныхъ обстоятельствъ, что потребовало бы слишкомъ много мѣста.

Поэтому допустимъ, что нашъ воображаемый трибуналъ, для упрощенія дѣла, будетъ исходить изъ того, что претензіи Австріи были вполнѣ справедливы, и что убійство эрцъ-герцога, случившееся $^{28}/_{15}$ іюня 1914 года, хотя и было совершено австрійскими подданными и на австрійской территоріи, но вдохновлялось и поощрялось дѣйствіями либо сербскаго правительства, либо сербскихъ политическихъ сообществъ.

Такимъ образомъ, вопросъ о томъ, справедливы ли претензіи Австріи противъ Сербіи отпадаетъ, и остается лишь слѣдующее: памятуя о своемъ долгѣ передъ цивилизаціей, который Австрія несетъ наравнѣ съ прочими цивилизованными странами, взялась ли она правильнымъ путемъ за удовлетвореніе этихъ претензій?

Тайный замыселъ двухъ союзныхъ державъ.

$^{28}/_{15}$ іюня 1914 года въ Сараевѣ былъ убитъ австрійскій кронпринцъ. Въ теченіе цѣлаго мѣсяца послѣ

этого событія Австрія ничего не предпринимала и объ ея намѣреніяхъ не появлялось никакихъ оффиціальныхъ сообщеній. Весь міръ относился съ искреннимъ сочувствіемъ къ Австріи и въ особенности къ ея престарѣлому монарху, сверхъ мѣры обремененному и годами и горестями, подобно королю Лиру.

Сербское правительство категорически отреклось отъ какого-либо участія въ этомъ убійствѣ, и обѣщалось подвергнуть наказанію всякаго сербскаго подданнаго, который оказался бы въ немъ замѣшаннымъ.

Съ $^{28}/_{15}$ іюня до $^{23}/_{10}$ іюля изъ Вѣны неоднократно исходили оффиціозныя сообщенія о томъ, что Австрія намѣрена проявить сдержанность и миролюбіе. Рѣшительно ничто не указывало, что Австрія и Германія собираются въ моментъ глубокаго мира бросить зажженную спичку въ европейскій пороховой погребъ.

На это, между прочимъ, указываетъ первый документъ англійской «Бѣлой Книги» — письмо сэра Эдуарда Грэя къ С. Румбольду отъ $^{20}/_{7}$ іюля 1914 года.

Это одинъ изъ самыхъ важныхъ документовъ изъ всей коллекціи. Все указываетъ на то, что когда это письмо писалось, вызывающій и безразсудный ультиматумъ Австріи былъ уже написанъ и встрѣтилъ полное одобреніе въ Вѣнѣ, а быть можетъ и въ Берлинѣ, а между тѣмъ сэръ Эдуардъ Грэй, министръ иностранныхъ дѣлъ великой и дружественной державы, былъ такъ далекъ отъ какихъ бы то ни было подозрѣній, что онъ «спросилъ сегодня германскаго посланника, не имѣетъ ли онъ какихъ-нибудь извѣстій о томъ, въ какомъ положеніи находится въ Вѣнѣ вопросъ объ австро-сербскихъ отношеніяхъ». На это германскій посланникъ отвѣтилъ, что «у него нѣтъ никакихъ извѣстій, но что Австрія, навѣрное, предприметъ что-нибудь по отношенію къ Сербіи».

Сэръ Эдуардъ Грэй прибавляетъ, что онъ сказалъ

германскому посланнику, что ему сообщили, что графъ Берхтольдъ, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, «въ бесѣдѣ съ итальянскимъ посланникомъ въ Вѣнѣ не призналъ положенія серьезнымъ и замѣтилъ, что оно скоро улучшится».

На это германскій посланникъ отвѣтилъ, что было бы желательно, чтобы «Россія выступила въ качествѣ посредницы» между Австріей и Сербіей; такимъ образомъ, мысль о посредничествѣ Россіи была впервые высказана германскимъ посланникомъ въ Лондонѣ. Сэръ Эдуардъ Грэй прибавляетъ, что онъ сказалъ германскому посланнику, что онъ «не сомнѣвается въ томъ, что австрійское правительство не предприметъ ничего, предварительно не представивъ на судъ общественнаго мнѣнія свои претензіи противъ Сербіи, основанныя на тѣхъ данныхъ, которыя будутъ обнаружены процессомъ». Германскій посланникъ, съ своей стороны, высказалъ такую же увѣренность. (Англійская «Бѣлая Книга», № 1).

Остается предположить, что либо германскій посланникъ сознательно обманывалъ сэра Грэя на томъ основаніи, что истинная функція посланника заключается въ томъ, чтобы «лгать въ пользу своей страны», либо ударъ подготовлялся въ такой глубокой тайнѣ, что даже германскій посланникъ въ Лондонѣ ничего не подозрѣвалъ.

Британскій посланникъ въ Вѣнѣ сообщаетъ сэру Эдуарду Грэю: «Передачѣ въ Бѣлградѣ $^{23}/_{10}$ іюля ноты Сербіи предшествовалъ періодъ абсолютнаго молчанія со стороны Бальплаца». Дальше онъ говоритъ, что, за исключеніемъ германскаго посланника въ Вѣнѣ (многозначительное исключеніе!), никто изъ членовъ дипломатическаго корпуса даже не подозрѣвалъ объ истинномъ характерѣ ультиматума, и что французскому посланнику въ австрійскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ $^{25}/_{12}$ іюля не только не сообщили,

что ультиматумъ уже представленъ, но оставили подъ впечатлѣніемъ, что ультимативная нота еще готовится и будетъ составлена въ умѣренномъ тонѣ. Графъ Берхтольдъ не счелъ нужнымъ подѣлиться своею тайной даже съ итальянскимъ посланникомъ. (Телеграмма сэра М. де-Бунзена сэру Эдуарду Грэю отъ 1 сент./19 авг. 1914 г.).

Знала ли Германія объ ультиматумѣ? Вдохновила ли она его?

Тутъ является въ высшей степени интересный и важный вопросъ: было ли Германіи заранѣе извѣстно содержаніе австрійскаго ультиматума, и было ли оно одобрено ею. Въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, Германія является виновной въ двуличіи, такъ какъ германскій посланникъ въ Петербургѣ категорически завѣрялъ русскаго министра иностранныхъ дѣлъ, что «германское правительство не было ознакомлено съ текстомъ австрійской ноты до ея вручения, и не повліяло на ея содержаніе. Свѣдѣнія о занятіи Германіей рѣшительнаго положенія лишено всякаго основанія». (Русская «Оранжевая Книга», № 18).

Добросовѣстность этого заявленія весьма сомнительна. Изъ двухъ союзниковъ, Австрія была слабѣйшимъ, и она размахивала передъ лицомъ Европы именно германской саблей. Совершенно очевидно, что Австрія не могла бы рѣшиться на крайнія мѣры, когда было совершенно ясно, что она встрѣтитъ отпоръ со стороны Россіи, если бы она не чувствовала за собою поддержку Германіи; нельзя сомнѣваться въ томъ, что она не рѣшилась бы подвергнуть и себя и Германію опасности вызвать Европейскую войну, не заручившись предварительно согласіемъ Германіи.

Въ этомъ смыслѣ мы имѣемъ свидѣтельство сэра М. де-Бунзена, британскаго посланника въ Вѣнѣ, сообщавшаго сэру Эдуарду Грэю, что ему «стало извѣ-

стно изъ частныхъ источниковъ, что германскій посланникъ (въ Вѣнѣ) имѣлъ текстъ австрійскаго ультиматума Сербіи до его предъявленія и протелеграфировалъ его германскому императору», а также, что германскій посланникъ вполнѣ «поддерживаетъ его до послѣдней строчки». (Англійская «Бѣлая Книга», № 5).

Такъ какъ въ этомъ сообщеніи не указывается, что это были за «частные источники», то само по себѣ это свидѣтельство не могло бы быть признано убѣдительнымъ; однако, если мы разсмотримъ оффиціальныя оправданія Германіи, ея «Бѣлую Книгу», то мы увидимъ, что германское министерство иностранныхъ дѣлъ само признаетъ, что Австрія до отправки ультиматума совѣщалась съ нимъ, и что оно не только одобрило поведеніе Австріи, но въ буквальномъ смыслѣ предоставило ей полнѣйшую carte blanche.

Германская искренность.

Это мѣсто въ германскомъ сообщеніи столь важно для оцѣнки искренности и миролюбія Германіи, что мы приводимъ его цѣликомъ. Указавъ на тренія, происходившія между Сербіей и Австріей, германская «Бѣлая Книга» говоритъ:

«Въ виду этихъ обстоятельствъ, Австріи пришлось придти къ заключенію, что было бы несогласно съ достоинствомъ и безопасностью государства, если бы она продолжала пассивно и безъ должнаго отпора наблюдать то, что происходитъ по ту сторону границы. Сообщивъ намъ свою точку зрѣнія на этотъ вопросъ, австро-венгерское правительство попросило насъ высказать свое мнѣніе. Мы горячо завѣрили нашу союзницу въ томъ, что вполнѣ раздѣляемъ ея точку зрѣнія на положеніе дѣлъ, а также завѣрили ее, что всякое дѣйствіе, которое она сочтетъ нужнымъ предпринять

для подавленія въ Сербіи движенія, направленнаго противъ существованія австро-венгерской монархіи, встрѣтитъ съ нашей стороны одобреніе. При этомъ мы отдавали себѣ полный отчетъ въ томъ, что военныя дѣйствія Австро-Венгріи противъ Сербіи вовлекутъ въ споръ Россію и могли бы вовлечь и насъ въ войну въ силу нашихъ союзническихъ обязательствъ».

Вполнѣ достойное довѣрія сообщеніе сэра М. де-Бунзена, кромѣ того, подтверждается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что британскій посланникъ въ Берлинѣ въ своемъ письмѣ къ сэру Эдуарду Грэю отъ $^{22}/_{19}$ іюля говоритъ, что наканунѣ вечеромъ ($^{21}/_{18}$ іюля) онъ бесѣдовалъ съ германскимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ, при чемъ разговоръ коснулся возможнаго выступленія Австріи. «Его превосходительство, видимо, полагалъ, что если бы Австрія этого хотѣла, то сдѣлала бы это гораздо раньше. Онъ настойчиво повторялъ, что вопросъ долженъ быть разрѣшенъ непосредственно Сербіей и Австріей, и что посторонніе безусловно не должны вмѣшиваться въ споръ, возникшій между этими двумя державами». Далѣе онъ говоритъ, что хотя онъ не считалъ удобнымъ, чтобы его страна снеслась съ Австро-Венгріей по этому вопросу, тѣмъ не менѣе, онъ «неоднократно въ разговорахъ съ сербскимъ посланникомъ указывалъ на то, что чрезвычайно важно, чтобы австро-сербскія отношенія вновь приняли нормальный характеръ». (Англійская «Бѣлая Книга», № 2).

Здѣсь мы видимъ первое указаніе на позицію, занятую Германіей, позицію въ высшей степени ложную, какъ это и обнаружили послѣдующія событія, но которой Германія упорно держалась до конца, что и способствовало возникновенію войны. Забывъ о тѣсной солидарности всѣхъ европейскихъ державъ, забывъ о томъ, что, благодаря международной поли-

тикѣ и многовѣковымъ сношеніямъ, создались настоящіе Европейскіе Соединенные Штаты, хотя и съ несовершенной еще организаціей, онъ сталъ требовать, чтобы Австріи были дозволены агрессивныя дѣйствія по отношенію къ Сербіи, безъ какой-либо помѣхи со стороны прочихъ державъ, хотя онъ прекрасно зналъ, что неизбѣжное въ такомъ случаѣ пораженіе Сербіи уничтожило бы status quo на Балканскомъ полуостровѣ, а, слѣдовательно, также и европейское равновѣсіе.

Для всякаго безпристрастнаго человѣка совершенно очевидно, что ультиматумъ, предъявленный Австріей Сербіи, и грубъ по тону, и безразсуденъ по своимъ требованіямъ. Трудно было бы найти въ исторіи болѣе оскорбительный документъ, и злостность его усугублялась чрезвычайно короткимъ срокомъ, предоставленнымъ Сербіи и Европѣ для отвѣта. Сербіи было дано лишь сорокъ восемь часовъ, чтобы отвѣтить, согласна ли она умалить свою самостоятельность и въ то же время признать свое соучастіе въ преступленіи, отъ котораго она упорно отрекалась. Такъ какъ полный текстъ ультиматума дошелъ до министерствъ прочихъ державъ почти цѣлыя сутки спустя послѣ его врученія сербскому правительству, то у прочихъ державъ имѣлось только двадцать четыре часа на принятіе мѣръ для сохраненія европейскаго мира. (Англійская «Бѣлая Книга», № 5; русская «Оранжевая Книга», № 3).

Дальнѣйшимъ подтвержденіемъ того, что германскому министерству иностранныхъ дѣлъ было заранѣе извѣстно содержаніе ультиматума, является то, что въ день представленія этого послѣдняго канцлеръ германской имперіи поручилъ германскимъ посланникамъ въ Парижѣ, Лондонѣ и Петербургѣ сообщить англійскому, французскому и русскому правительствамъ, что «какъ дѣйствія, такъ и требованія ав-

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

стро-венгерскаго правительства должны быть признаны совершенно справедливыми». (Германская «Бѣлая Книга», приложеніе № 13).

Какъ могла бы Германія поддерживать «требованія», если бы ей не былъ извѣстенъ текстъ ультиматума?

Къ сожалѣнію, не указано, въ которомъ часу были отправлены эти инструкціи, такъ что мы не можемъ сказать навѣрное, что онѣ были отправлены до врученія ультиматума въ Бѣлградѣ, имѣвшаго мѣсто въ 6 часовъ пополудни. Однако, такъ какъ ультиматумъ сталъ извѣстенъ въ Европейскихъ столицахъ лишь на слѣдующій день, то представляется невѣроятнымъ, чтобы германское министерство иностранныхъ дѣлъ разослало $^{23}/_{10}$ іюля столь внимательно составленное оффиціальное предостереженіе державамъ, если бы ему не было извѣстно не только, что Австрія намѣрена предъявить ультиматумъ, но также и точное содержаніе этого послѣдняго.

Хотя допустимо, что Германія, поддерживая «въ темную» дѣйствія Австріи, намѣренно не пожелала заранѣе ознакомиться съ текстомъ ультиматума, для того, чтобы затѣмъ имѣть право сказать, что она не отвѣтственна за дѣйствія Австріи (что нисколько не уменьшило бы недостойнаго характера всего этого дѣла), тѣмъ не менѣе гораздо болѣе вѣроятно предположеніе, что единовременное предъявленіе австрійскаго ультиматума и разсылка германскаго предостереженія державамъ явились результатомъ предварительнаго соглашенія и были направлены къ одной и той же цѣли. Никакой судъ и никакой составъ присяжныхъ засѣдателей ни на минуту не задумались бы придти къ такому заключенію, ибо оно диктуется даже самой элементарной логикой.

Отказъ Сербіи былъ заранѣе предусмотренъ.

Вышеуказанное сообщеніе министерства иностранныхъ дѣлъ предусматриваетъ, что Сербія «откажется подчиниться этимъ требованіямъ». (Почему же, если они были совершенно справедливы?). И Германія указываетъ Франціи, Англіи и Россіи, что если въ результатѣ этого отказа «Австрія прибѣгнетъ къ военнымъ мѣрамъ», то «выборъ таковыхъ мѣръ долженъ быть всецѣло предоставленъ ей одной».

Германскимъ посланникамъ въ вышеуказанныхъ столицахъ было предписано, что имъ слѣдуетъ «особенно подчеркивать, что вышеупомянутый вопросъ долженъ быть разрѣшенъ исключительно Австро-Венгріей и Сербіей, и державы должны старательно заботиться о томъ, чтобы онъ не вышелъ за предѣлы этихъ двухъ заинтересованныхъ державъ», и прибавляется, что Германія твердо желаетъ, чтобы «споръ былъ локализованъ, такъ какъ вмѣшательство какой-либо другой державы, въ виду существующихъ союзныхъ обязательствъ, привелъ бы къ такимъ грознымъ послѣдствіямъ, размѣры которыхъ невозможно себѣ представить».

Это одинъ изъ самыхъ важныхъ документовъ германской коллекціи. Если Германія была такъ мало освѣдомлена о дѣйствіяхъ и объ ультиматумѣ Австріи, какъ это утверждалъ ея лондонскій представитель, и если Германія не подстрекала и не поддерживала Австрію на томъ опасномъ пути, по которому пошла эта послѣдняя, то почему же германскій канцлеръ обратился къ Англіи, Франціи и Россіи съ совѣтомъ и угрозой, что Австріи должна быть предоставлена свобода расправиться съ Сербіей и что всякая попытка вмѣшательства въ пользу слабѣйшей державы приведетъ «къ такимъ грознымъ послѣдствіямъ, размѣры которыхъ невозможно себѣ представить»? (Германская «Бѣлая Книга», прибавленіе № 1b).

...„конечно имѣетъ полное право“...

Нѣсколько дней спустя, имперскій канцлеръ обратился къ союзнымъ германскимъ правительствамъ съ конфиденціальнымъ сообщеніемъ, въ которомъ онъ допускалъ, что Россія признаетъ своимъ долгомъ «принять сторону Сербіи въ спорѣ этой послѣдней съ Австро-Венгріей». (Опять спрашивается — *почему?* если Австрія была совершенно права?). Канцлеръ прибавлялъ, что «если Россія признаетъ себя обязанной присоединиться къ Сербіи въ этомъ столкновеніи, то она, конечно, имѣетъ на это полное право». Но этимъ самымъ Россія выразитъ недовѣріе къ честности австро-венгерской монархіи, вслѣдствіе чего одна только Россія «будетъ нести отвѣтственность, если изъ австро-сербскаго вопроса, который всѣ прочія державы стремятся локализировать, возникнетъ европейская война».

Въ этомъ многозначительномъ конфиденціальномъ сообщеніи германскій канцлеръ признаетъ, что Германія была чрезвычайно заинтересована въ томъ, чтобы Австрія покарала Сербію. Онъ говоритъ: «такимъ образомъ, наши ближайшіе интересы требуютъ, чтобы мы поддержали Австро-Венгрію» и прибавляетъ: «если, не взирая на наши надежды, конфликтъ расширится, благодаря вмѣшательству Россіи, то мы, вѣрные своимъ союзническимъ обязательствамъ, должны будемъ поддержать сосѣднюю монархію всею мощью германской имперіи».

Пропускъ даты.

Не лишено интереса, что въ то время, какъ всѣ прочіе документы датированы, этотъ, особенно важный документъ, въ которомъ германскій канцлеръ приглашаетъ союзныя государства Германіи опоясать мечи для Европейской войны, не носитъ никакой

даты. Такъ какъ въ «Бѣлой Книгѣ» всѣ документы расположены въ хронологическомъ порядкѣ и этотъ документъ помѣщенъ между вышеупомянутымъ сообщеніемъ отъ $^{23}/_{10}$ іюля и вѣнской телеграммой отъ $^{24}/_{11}$ іюля, то мы въ правѣ заключить, что онъ былъ посланъ между этими двумя датами. Если это такъ, то представляется весьма сомнительнымъ, что предложеніе германскимъ союзническимъ государствамъ готовиться къ войнѣ было написано, когда канцлеру еще не было извѣстно содержаніе австрійскаго ультиматума, который былъ предъявленъ $^{23}/_{10}$ іюля и достигъ европейскихъ столицъ лишь на другой день, $^{24}/_{11}$. Если считаться только съ содержаніемъ этого документа, то можно было бы допустить, что онъ былъ написанъ послѣ сербскаго отвѣта, послѣдовавшаго $^{25}/_{12}$, однако, такъ какъ Германія и безъ того ожидала, что отвѣтъ Сербіи будетъ отрицательный, то вполнѣ возможно, что онъ былъ написанъ между $^{23}/_{10}$ и $^{24}/_{11}$ іюля.

Почему такой важный документъ опубликованъ безъ даты?

Стремленіе къ сохраненію міра.

При составленіи приговора трибуналъ цивилизаціи удѣлилъ бы не особенно много вниманія чисто словеснымъ заявленіямъ миролюбія. И нація, подобно личности, можетъ исподтишка пырнуть ножемъ своего ближняго, въ то же время ласково спрашивая: «Какъ поживаешь, братецъ?» И въ международныхъ отношеніяхъ бываютъ Іудины поцѣлуи. Громкія заявленія миролюбія являются любимымъ конькомъ дипломатіи наиболѣе воинственныхъ державъ.

Всѣ войны новѣйшаго времени сопровождались миролюбивыми заявленіями со стороны нападающаго и призывами къ Божеству о помощи и благословеніи.

Разсмотримъ же и съ этой стороны представленные на нашъ судъ документы.

Чрезмѣрная краткость срока.

Тотчасъ же по полученіи въ Петербургѣ ультиматума, русскій министръ иностранныхъ дѣлъ, $^{24}/_{11}$ іюля, въ оффиціальномъ обращеніи къ Австро-Венгріи указалъ, что слишкомъ краткій срокъ «лишаетъ державы . . . возможности предпринять что-либо полезное въ видахъ улаженія возникшихъ осложненій», и прибавляетъ: «Для предотвращенія неисчислимыхъ и для всѣхъ одинаково нежелательныхъ послѣдствій, къ которымъ можетъ повести образъ дѣйствій Австріи, мы считали бы необходимымъ, чтобы послѣдняя прежде всего продлила бы поставленный ею для отвѣта Сербіи срокъ».

Сазоновъ далѣе указывалъ, что державамъ должно быть предоставлено достаточно времени для ознакомленія съ результатами слѣдствія, предпринятаго австро-венгерскимъ правительствомъ по вопросу о сараевскомъ убійствѣ, прибавивъ, что: «Въ случаѣ, если бы державы при этомъ убѣдились въ справедливости нѣкоторыхъ требованій Австріи, то онѣ могли бы предписать Сербіи соотвѣтствующіе совѣты». И совершенно справедливо замѣчаетъ, что «отказъ Австріи отъ предлагаемой нами постановки дѣла явно противорѣчилъ бы международной этикѣ и лишилъ бы сдѣланное ею сегодня намъ заявленіе смысла». (Русская «Оранжевая Книга», № 4).

Миръ всего міра поставленъ на карту.

Какой судъ могъ бы усумниться въ справедливости такого требованія? Рѣчь шла о мирѣ всего міра. Требовалось только время, чтобы разобраться въ возник-

щихъ вопросахъ и, сохранивъ миръ, дать въ то же время возможно полное удовлетвореніе Австро-Венгріи.

Въ то самое время, какъ Сазоновъ просилъ дать ему времени, чтобы принять мѣры къ сохраненію мира, сэръ Эдуардъ Грэй $^{24}/_{11}$ іюля въ разговорѣ съ германскимъ посланникомъ высказалъ мнѣніе, что единственный способъ для предупрежденія катастрофы заключается въ томъ, чтобы «четыре державы: Германія, Франція, Италія и мы сами (Англія) предприняли дружные и единовременные шаги въ Вѣнѣ и Петербургѣ». (Англійская «Бѣлая Книга», № 11).

Германіи слѣдовало лишь указать Австріи, что и чувство уваженія къ общественному мнѣнію всего человѣчества и долгъ приличія и вѣжливости по отношенію къ великимъ дружественнымъ державамъ требуютъ, чтобы было предоставлено время, и не Сербіи одной, а и всѣмъ прочимъ державамъ, такъ какъ для всеобщаго блага требовалось внимательное обсужденіе создавшагося положенія, тѣмъ болѣе, что лѣто было въ полномъ разгарѣ и что многіе правители и государственные люди находились вдали отъ своихъ столицъ.

При такихъ условіяхъ, вполнѣ естественно, что Россія $^{24}/_{11}$ іюля заявила, что всякая мѣра, предпринятая Австро-Венгріей для униженія Сербіи, «не оставитъ Россію равнодушной». И что въ тотъ же день русскій повѣренный въ дѣлахъ въ Вѣнѣ указалъ австрійскому министерству иностранныхъ дѣлъ, что «австрійская нота составлена въ такомъ тонѣ, который дѣлаетъ принятіе ея совершенно невозможнымъ, а ея выраженія слишкомъ рѣшительны и необычны».

Въ отвѣтъ на это австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ ограничился указаніемъ, что австрійскій посланникъ въ Сербіи «получилъ инструкцію покинуть Бѣлградъ со всѣмъ составомъ миссіи, если австрійскія требованія не будутъ цѣликомъ приняты завтра къ 4 часамъ пополудни». (Англійская «Бѣлая Книга», № 7).

Единственная уступка Австріи.

Единственной уступкой, сдѣланной за все это время Австріей въ пользу мира, явилось завѣреніе, что Австрія послѣ завоеванія Сербіи не потребуетъ отъ нея никакихъ территоріальныхъ уступокъ.

Поведеніе Германіи въ этотъ день, $^{24}/_{11}$ іюля, въ высшей степени знаменательно. Ея лондонскій посланникъ вручилъ сэру Эдуарду Грэю ноту, въ которой оправдывались всѣ ультимативныя требованія Австро-Венгріи, и говорилось, что «при такихъ условіяхъ образъ дѣйствія и требованія австро-венгерскаго правительства слѣдуетъ признать вполнѣ справедливыми и умѣренными... Императорское правительство (Германія) желаетъ подчеркнуть свое мнѣніе, что мы имѣемъ дѣло съ вопросомъ, подлежащимъ разрѣшенію только Австро-Венгріи и Сербіи, и что великія державы должны всячески стараться предоставить его разрѣшеніе исключительно двумъ непосредственно заинтересованнымъ въ немъ державамъ». (Англійская «Бѣлая Книга», № 3).

Невѣроятная уступчивость Сербіи.

$^{25}/_{12}$ іюля, вѣроятно къ великому удивленію какъ Германіи, такъ и Австріи, разсчитывавшихъ на полное отклоненіе Сербіей ультиматума, Сербія, по совѣту Россіи, представила отвѣтъ, въ которомъ, жертвуя своимъ самолюбіемъ въ качествѣ самостоятельнаго государства, она въ сущности принимала всѣ требованія Австро-Венгріи за исключеніемъ лишь одного; но и это требованіе она не отклоняла, а лишь выражала согласіе предоставить его либо арбитражу, либо рѣшенію великихъ державъ. (Англійская «Бѣлая Книга», № 39).

Всякій безпристрастный судъ долженъ признать, что отвѣтъ этотъ заключаетъ полное подчиненіе всѣмъ даже самымъ крайнимъ требованіямъ Австріи; даже Австрія и Германія этого въ сущности не отрицаютъ. Онѣ ограничились тѣмъ, что выразили недовѣріе къ искренности этихъ уступокъ, назвавъ ихъ «игрою». Однако, надо замѣтить, что если бы Германія и Австрія чистосердечно приняли завѣренія Сербіи, а впослѣдствіи Сербія не исполнила бы своихъ обѣщаній, то поведеніе Сербіи не вызвало бы ни въ комъ сочувствія, и Европейская война не могла бы произойти. Къ тому же, и Россія и Англія обѣщались употребить все свое вліяніе, чтобы, въ случаѣ необходимости, заставить Сербію удовлетворить всякія справедливыя требованія Австро-Венгріи.

Единственный вопросъ, который Сербія предложила передать арбитражу или же рѣшенію великихъ державъ былъ вопросъ объ участіи австрійскихъ чиновниковъ въ сербскомъ слѣдственномъ судѣ. Вопросъ этотъ никакихъ особенныхъ затрудненій не вызывалъ. Австрійское желаніе безпристрастнаго разслѣдованія могло быть легко удовлетворено, хотя бы тѣмъ, что разслѣдованіе это могло быть поручено особой комиссіи изъ юристовъ, назначенныхъ великими державами.

$^{24}/_{11}$ іюля сэръ Эдуардъ Грэй также просилъ германскаго посланника повліять на Вѣну въ смыслѣ продленія срока ультиматума. Отвѣтъ и образъ дѣйствія германскаго правительства поистинѣ изумительны. Имперское правительство согласилось «передать» въ Вѣну эту просьбу, но при этомъ германскій статсъ-секретарь по иностраннымъ дѣламъ замѣтилъ, что, въ виду того, что австрійскій премьеръ-министръ въ данный моментъ отсутствуетъ изъ Вѣны, то будетъ трудно продлить срокъ ультиматума и, пожалуй, не успѣютъ этого сдѣлать; далѣе онъ откровенно

признался, что австро-венгерское правительство желаетъ проучить Сербію, и съ тою цѣлью намѣрено прибѣгнуть къ военнымъ мѣрамъ. Онъ сказалъ также, что вообще немыслимо, чтобы сербское правительство проглотило нѣкоторыя изъ тѣхъ требованій, которыя предъявлены ему Австро-Венгріей».

При этомъ онъ прибавилъ, что Германія не желаетъ всеобщей войны и что «онъ сдѣлаетъ все, что отъ него зависитъ, чтобы предупредить такое несчастье. (Англійская «Бѣлая Книга», № 11 и 18).

Текстъ до сихъ поръ остается тайной.

Если Германія сдѣлала какое-нибудь представленіе Австріи въ пользу мира, то текстъ этого представленія до сихъ поръ сохраняется въ тайнѣ. Одно слово изъ Берлина или Вѣны дало бы міру время, которое было такъ нужно, и которое при условіи наличности искренности миролюбія сохранила бы Европѣ миръ. Однако, поскольку это видно изъ опубликованныхъ документовъ, Германія этого слова не произнесла.

Сравните поведеніе Германіи съ поведеніемъ Россіи, министръ иностранныхъ дѣлъ которой утромъ $^{25}/_{12}$ іюля предлагалъ, «отойти въ сторону и предоставить вѣдаться съ этимъ вопросомъ исключительно Англіи, Франціи, Германіи и Италіи». (Англійская «Бѣлая Книга», № 17).

Іюля $^{25}/_{12}$ сэръ Эдуардъ Грэй предложилъ, чтобы четыре великія державы (въ томъ числѣ и Германія) совмѣстно «предложили Австріи и Россіи воздержаться отъ перехода границъ и предоставить четыремъ державамъ время, чтобы путемъ воздѣйствія въ Вѣнѣ и Петербургѣ попытаться разрѣшить создавшееся положеніе. Если Германія согласится на это предложеніе, то я увѣренъ, что Франція и мы будемъ дѣйствовать

въ этомъ духѣ. Италія, безъ сомнѣнія, присоединится къ намъ». (Англійская «Бѣлая Книга» №№ 24 и 25).

На это благоразумное предложеніе германскій канцлеръ отвѣтилъ: «Мы безусловно считаемъ, что споръ этотъ долженъ быть локализованъ, и что державы должны воздержаться отъ какого либо вмѣшательства въ него; это наша альфа и омега». Къ этому онъ прибавилъ, что если произойдетъ кризисъ между Австріей и Россіей, то Германія будетъ «содѣйствовать прочимъ державамъ въ созданіи посредничества между Россіей и Австріей». (Германская «Бѣлая Книга», прибавленіе № 13).

Что хотѣла этимъ сказать Германія, соглашалась ли она или не соглашалась на предложеніе Грэя, остается непонятнымъ. Россія противодѣйствуетъ стремленію Австріи раздавить Сербію. Германія не желаетъ вмѣшиваться въ это послѣднее дѣло, но согласна участвовать въ посредничествѣ между Россіей и Австріей. Съ чисто практической точки зрѣнія между вмѣшательствомъ въ томъ или въ другомъ случаѣ нѣтъ рѣшительно никакой разницы.

А какъ она «содѣйствовала» — это мы сейчасъ увидимъ.

Всѣ дѣйствія Германіи $^{25}/_{12}$ іюля, поскольку это видно изъ документовъ, сводились къ тому, что она «передала» англійское и русское требованіе о продленіи срока ультиматума, но, какъ показываютъ послѣдующія событія, она при «передачѣ» нисколько не поддержала этихъ требованій, ибо невозможно сомнѣваться въ томъ, что Австрія продлила бы срокъ ультиматума, если бы ея союзница попросила ее объ этомъ.

Австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, послѣ отправки ультиматума, покинулъ Вѣну; но русскому посланнику въ Вѣнѣ удалось устно представить это благоразумное предложеніе исполняющему обязанности министра иностранныхъ дѣлъ, который сказалъ ему,

что передастъ его предложеніе графу Берхтольду, но что онъ можетъ съ увѣренностью предсказать, что отвѣтъ будетъ — безусловный отказъ. (Русс «Оранж. Книга», № 11). Нѣсколько часовъ спустя, но въ этотъ же самый день ($^{25}/_{12}$ іюля), Россіи было сообщено, что срокъ ультиматума не будетъ продленъ. (Русская «Оранжевая Книга», № 12).

Война была предрѣшена.

Никогда еще спокойствіе міра не было нарушено подъ такимъ ничтожнымъ предлогомъ. Небольшого количества времени — нѣсколькихъ дней, быть можетъ даже нѣсколькихъ часовъ—было бы вполнѣ достаточно для того, чтобы избавить міръ отъ происходящихъ теперь ужасовъ... Но... Время не могло быть предоставлено. Сварливые дипломаты собирались принять поспѣшное рѣшеніе, чудовищное по своимъ результатамъ. Въ исторіи цивилизованнаго міра не встрѣчается болѣе невѣжливаго поступка по отношенію къ вполнѣ дружественной державѣ — ибо Россія еще никогда не воевала съ Австріей.

Потерпѣвъ пораженіе въ своихъ попыткахъ добиться продленія срока ультиматума, Англія, Франція и Россія попытались сохранить миръ путемъ предупрежденія военныхъ дѣйствій, чтобы сдѣлать новыя попытки къ примиренію. Сэръ Эдуардъ Грэй предложилъ Германіи, Франціи, Россіи и Италіи совмѣстно попросить Австрію и Сербію воздержаться отъ перехода границъ, «дабы мы могли еще попытаться уладить возникшія между ними недоразумѣнія»; но германскій посланникъ прочелъ сэру Эдуарду Грэю полученную имъ отъ германскаго министерства иностранныхъ дѣлъ телеграмму, въ которой говорилось, что «разъ она (Австрія) предъявила такую ноту (ультиматумъ), то Австрія уже не можетъ отступить». (Англійская «Бѣлая Книга», № 25).

„Коль скоро стрѣла пущена“...

Какъ мы видѣли, Германія, поскольку это обнаруживаютъ документы, ни разу не пыталась воздѣйствовать на Австрію, чтобы понудить ее къ уступчивости. Отношеніе Германіи вполнѣ характеризуется заявленіемъ ея парижскаго посланника французскому министру иностранныхъ дѣлъ, въ которомъ, наряду съ отрицаніемъ, что Германія продиктовала австрійскій ультиматумъ, въ то же время говорится, что Германія вполнѣ одобряетъ австрійскую точку зрѣнія и что «коль скоро стрѣла пущена, то Германія не можетъ позволить себѣ руководиться никакими соображеніями, за исключеніемъ своего союзническаго долга».

Роковая ошибка Германіи заключалась въ томъ, что она считала, что ея долгъ по отношенію къ цивилизаціи — такая ничтожная величина, что она обязана поддерживать свою союзницу независимо отъ того, права ли та или нѣтъ. Такова была ея точка зрѣнія, и она придерживалась ее съ роковою послѣдовательностью. Можно поддерживать своего союзника во время войны. Но что его должно поддерживать и въ мирное время, когда онъ предъявляетъ завѣдомо преступныя требованія — это оскорбляетъ всѣ чувства международной нравственности.

На слѣдующій день Россія предложила Австріи начать частные переговоры съ цѣлью совмѣстнаго измѣненія нѣкоторыхъ пунктовъ австрійскаго ультиматума. На это предложеніе Австрія даже не отвѣтила. Русскій министръ сообщилъ свое предложеніе германскому министру иностранныхъ дѣлъ, выразивъ при этомъ надежду, что тотъ «найдетъ возможнымъ посовѣтывать Вѣнѣ согласиться на это предложеніе»; однако это не соотвѣтствовало германскимъ желаніямъ, и въ тотъ же день германскій посланникъ въ Парижѣ, въ отвѣтъ на такое же предложеніе со стороны француз-

скаго министра иностранныхъ дѣлъ, отвѣтилъ, что «это невозможно, въ виду принятаго нами рѣшенія не вмѣшиваться въ австро-сербскій конфликтъ».

Германскіе „принципы".

Въ этотъ же день Англія предложила Франціи, Италіи и Германіи устроить въ Лондонѣ совѣщаніе съ цѣлью сохраненія Европейскаго мира; но на это предложеніе, которое, дѣйствительно, могло спасти дѣло мира, германскій канцлеръ, жалко прячась за двусмысленностью, отвѣчалъ, что «мы не можемъ заставить нашу союзницу идти на Европейскій трибуналъ для разбора ея спора съ Сербіей»; хотя тутъ же онъ «въ принципѣ» вполнѣ одобрялъ мысль о посредничествѣ.

«Въ принципѣ»-то Германія одобряла, но на практикѣ всячески препятствовала всякому вмѣшательству державъ. (Англійская «Бѣлая Книга», № 46).

Нежеланіе Германіи, чтобы австро-сербскій споръ разбирался великими державами тѣмъ болѣе изумительно, что германскій посланникъ въ Лондонѣ сообщилъ сэру Эдуарду Грэю слова германскаго статсъ-секретаря о томъ, что «въ нотѣ, предъявленной Австріей Сербіи, имѣются такія вещи, которыя вообще едва-ли могутъ быть приняты» (самостоятельною державою), признавъ такимъ образомъ, что австрійскій ультиматумъ хоть въ нѣкоторыхъ частяхъ своихъ неправиленъ. Тогда сэръ Эдуардъ Грэй обратилъ вниманіе германскаго посланника на то, что если Австрія откажется принять уступчивый отвѣтъ Сербіи и вторгнется въ ея предѣлы, то «это значитъ, что она намѣрена во что бы то ни стало раздавить Сербію, совершенно не считаясь ни съ какими послѣдствіями». Онъ прибавилъ, что на отвѣтъ Сербіи «слѣдовало бы смотрѣть по крайней мѣрѣ, какъ на основаніе для

дальнѣйшихъ переговоровъ», и просилъ, чтобы германское правительство постаралось внушить такую точку зрѣнія Вѣнѣ; но германскій статсъ-секретарь $^{27}/_{14}$ іюля отвѣтилъ, что совѣщаніе державъ «невозможно», такъ какъ оно «фактически равнялось бы арбитражному трибуналу», а таковой, по его мнѣнію, можетъ быть созванъ «лишь по требованію Австріи и Россіи». (Англійская «Бѣлая Книга», №№ 43 и 46).

Простая отговорка.

Совершенно очевидно, что это не что иное, какъ простая отговорка. Германіи въ это время уже было извѣстно, что Австрія не желаетъ такого совѣщанія, ибо Австрія уже отвѣтила отказомъ на предложеніе Россіи продолжить срокъ ультиматума и приступила къ военнымъ приготовленіямъ. Настроеніе Германіи лучше всего обнаруживается изъ письма русскаго посланника въ Берлинѣ къ русскому военному министерству, въ которомъ онъ говоритъ, что $^{27}/_{14}$ іюля онъ обратился къ германскому министерству иностранныхъ дѣлъ съ просьбой «болѣе настойчиво воздѣйствовать на Вѣну», чтобы она согласилась на эту линію примиренія. Яговъ отвѣтилъ, что онъ не можетъ совѣтовать Вѣнѣ «отступать». (Русская «Оранжевая Книга», № 38).

Почему же нѣтъ? Вѣдь Россія посовѣтовала же Сербіи уступить, и Сербія уступила почти по всѣмъ пунктамъ. Почему же германское министерство иностранныхъ дѣлъ, если только оно искренно стремилось къ миру, не могло посовѣтовать Вѣнѣ отвѣтить на уступки и попытки къ примиренію тѣмъ же?

Еще до этого свиданія французскій посланникъ заѣзжалъ въ германское министерство иностранныхъ дѣлъ съ подобнымъ же предложеніемъ и поддерживалъ англійское предложеніе въ томъ, чтобы Англія,

Германія, Россія и Франція безотлагательно принялись воздѣйствовать въ Петербургѣ и въ Вѣнѣ съ цѣлью, чтобы Австрія и Сербія «воздержались отъ какихъ-либо шаговъ, могущихъ ухудшить создавшееся положеніе».

Категорическій отказъ.

Это означало, что въ ожиданіи новыхъ переговоровъ ни Австрія не должна вторгнуться въ Сербію, ни Россія въ Австрію. Но германскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ на это предложеніе категорическимъ отказомъ.

Въ тотъ же день, русскій посланникъ въ Вѣнѣ имѣлъ «продолжительную и горячую бесѣду» съ австрійскимъ вторымъ статсъ-секретаремъ по иностраннымъ дѣламъ. Онъ выразилъ горячую надежду, что «что-нибудь будетъ предпринято, прежде чѣмъ состоится вторженіе въ Сербію. Баронъ Маккіо отвѣтилъ, что теперь это будетъ затруднительно, такъ какъ на Дунаѣ уже произошла стычка, въ которой нападающей стороной оказались сербы».

Русскій посланникъ отвѣтилъ, что его правительство сдѣлаетъ все возможное, чтобы удержать сербовъ отъ всякихъ выступленій, и даже чтобы убѣдить ихъ «отступать передъ наступленіемъ австрійской арміи съ цѣлью выиграть такимъ образомъ время». Онъ настойчиво просилъ, чтобы австрійскому посланнику въ Петербургѣ было дано полномочіе продолжать переговоры съ русскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, «которое охотно готово посовѣтовать Сербіи сдѣлать всѣ уступки, которыя только возможны для независимой державы».

На это благоразумное предложеніе былъ данъ краткій отвѣтъ — что о немъ будетъ доложено министру иностранныхъ дѣлъ. (Англійская «Бѣлая Книга», № 56).

Въ этотъ же день германскій посланникъ въ Парижѣ побывалъ во французскомъ министерствѣ иностранныхъ дѣлъ, гдѣ настойчиво требовалъ, чтобы «всякая возможность посредничества или международнаго совѣщанія была исключена; а между тѣмъ въ это самое время германскій имперскій канцлеръ сообщилъ Лондону, что онъ «началъ примѣнять въ Вѣнѣ усилія въ пользу посредничества въ томъ видѣ, какъ этого желаетъ сэръ Эдуардъ Грэй и что, кромѣ того, онъ передалъ австрійскому министру иностранныхъ дѣлъ желаніе русскаго министра иностранныхъ дѣлъ вести переговоры непосредственно съ Вѣной».

Оффиціальная защита Германіи.

Какое лицемѣріе! Въ оффиціальной защитѣ Германіи, оффиціальный апологетъ, высказавъ увѣренность, что «никакое посредничество не должно заняться австро-сербскимъ конфликтомъ, который является вопросомъ, касающимся исключительно Австро-Венгріи», утверждаетъ, что Германія передала Вѣнѣ предложеніе сэра Эдуарда Грэя, въ которомъ Австро-Венгріи предлагалось «либо признать отвѣтъ Сербіи вполнѣ удовлетворительнымъ, либо положить его въ основаніе дальнѣйшихъ переговоровъ»; однако, австро-венгерское правительство «выразивъ намъ благодарность за наши посредническія усилія» (германская «Бѣлая Книга» не лишена юмора), отвѣтила на это предложеніе, что такъ какъ оно поступило уже послѣ начала враждебныхъ дѣйствій, то «оно запоздало».

Какой разумный человѣкъ можетъ сомнѣваться въ томъ, что если Германія не ограничилась простой «передачей» этихъ мудрыхъ и миролюбивыхъ предложеній, а предприняла съ своей стороны еще какія-нибудь шаги въ ихъ духѣ, то Австрія согласилась бы на предложеніе своей могущественной союзницы; кто

усумнится въ томъ, что Австрія прекратила бы свои военныя операціи, какъ только Германія выразила бы подобное пожеланіе? На слѣдующій день, $^{28}/_{15}$ іюля, дверь была еще плотнѣе закрыта передъ всякой возможностью компромисса, когда австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ «спокойно, но твердо заявилъ, что никакіе переговоры невозможны на почвѣ сербской ноты; что война будетъ объявлена сегодня и что всѣмъ извѣстное миролюбіе императора, а также, какъ онъ считаетъ себя въ правѣ сказать, и его собственное, должны считаться гарантіей того, что война является и справедливой, и неизбѣжной; что дѣло это должно быть разрѣшено непосредственно заинтересованными въ немъ двумя державами».

Дерзость и безразсудство.

На дерзкое и безразсудное требованіе, чтобы Европа признала слова австрійскаго министра иностранныхъ дѣлъ гарантіей справедливости австрійскихъ претензій, британскій посланникъ сослался на «болѣе широкое соображеніе», а именно на вопросъ объ Европейскомъ мирѣ; но на это «болѣе широкое соображеніе», передъ которымъ всякій благоразумный государственный дѣятель долженъ былъ бы остановиться въ раздумьи, австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что онъ также не упускаетъ его изъ вида, но что по его мнѣнію Россія не должна препятствовать предстоящимъ операціямъ, которыя не имѣютъ въ виду никакихъ территоріальныхъ пріобрѣтеній и которыя уже не могутъ быть отсрочены». (Англійская «Бѣлая Книга», № 62).

Такъ какъ непосредственные переговоры между Россіей и Австріей остались такимъ образомъ безрезультатными, то Россія возвратилась къ своему предложенію о созывѣ Европейской конференціи съ цѣлью

сохраненія Европейскаго мира. Русскій посланникъ въ Вѣнѣ имѣлъ $^{28}/_{15}$ іюля свиданіе съ графомъ Берхтольдомъ, при чемъ указалъ этому послѣднему на опасность, грозящую Европейскому миру и на желательность сохраненія добрыхъ отношеній между Россіей и Австро-Венгріей.

На это графъ Берхтольдъ отвѣтилъ, что онъ вполнѣ отдаетъ себѣ отчетъ въ серьезности положенія и въ желательности прямодушнаго объясненія съ петербургскимъ кабинетомъ. «Онъ, съ другой стороны, сказалъ мнѣ, что австро-венгерское правительство крайне неохотно приняло рѣшеніе приступить къ энергическимъ дѣйствіямъ противъ Сербіи, но что теперь оно уже не можетъ ни отступить, ни начать какіе бы то ни было переговоры на почвѣ австро-венгерской ноты». (Русская «Оранжевая Книга», № 45).

Сомнѣнія въ цѣлесообразности.

Въ тотъ же день, $^{28}/_{15}$ іюля, германскій имперскій канцлеръ, пригласивъ къ себѣ англійскаго посланника, извинился, что не можетъ принять предложенія о созывѣ конференціи нейтральныхъ державъ на томъ основаніи, что не считаетъ такую мѣру цѣлесообразной, «ибо такая конференція, по его мнѣнію, носила бы характеръ ареопага, составленнаго изъ двухъ державъ каждой группы, которыя судили бы остальныхъ двухъ державъ».

Послѣ такого жалкаго и неискренняго заявленія ему указали на миролюбивый отвѣтъ Сербіи, который въ сущности сводился къ уступкѣ по всей линіи, и «его превосходительство сказалъ, что онъ не желаетъ разбирать сербскую ноту, но что Австрія смотритъ на свой споръ съ Сербіей, какъ на чисто австрійское дѣло, которое ни въ какомъ смыслѣ не касается Россіи, и что эту точку зрѣнія онъ вполнѣ раздѣляетъ». (Англійская «Бѣлая Книга», № 71).

Мобилизація державъ.

Въ эту минуту въ споръ приняли участіе правители государствъ. Кайзеръ, возвратившись изъ Норвегіи, телеграфировалъ Царю $^{28}/_{15}$ іюля, что онъ «принимаетъ всѣ усилія, чтобы заставить Австро-Венгрію придти къ открытому и удовлетворительному соглашенію съ Россіей» и просилъ Царя придти ему на помощь. (Германская «Бѣлая Книга», приложж. № 20).

Если кайзеръ былъ искрененъ, а это вполнѣ возможно, то онъ расходился со своимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ. Въ германскихъ документахъ мы встрѣчаемъ только его собственное увѣреніе, что онъ дѣлаетъ все отъ него зависящее для сохраненія мира, но какіе имъ были предприняты шаги и что онъ писалъ въ Австрію, чтобы повліять на эту послѣднюю, этого мы не найдемъ въ оффиціальной защитѣ, опубликованной германскимъ правительствомъ. Кайзеръ можетъ доказать міру свое непричастіе къ преступленію его потсдамской камарильи только путемъ опубликованія во всеобщее свѣдѣніе текста тѣхъ совѣтовъ, съ которыми онъ обратился къ австрійскимъ государственнымъ дѣятелямъ. Онъ обнародовалъ свои телеграммы къ Царю. Гдѣ же тѣ, которыя онъ, вѣроятно, отправилъ Францу Іосифу или графу Берхтольду? Гдѣ инструкціи, которыя онъ преподалъ своимъ посланникамъ или своему военному министру?

Отношеніе Германіи.

Характерно, что въ тотъ же день Сазоновъ телеграфировалъ графу Бенкендорфу слѣдующее: „Мой разговоръ съ германскимъ посланникомъ подтверждаетъ мое впечатлѣніе, что Германія относится скорѣе сочувственно къ непреклонному положенію, принятому Австріей“. Къ этому онъ прибавляетъ, и исторія подтвердитъ правиль-

ность его заключенія, что „берлинскій кабинетъ, который имѣлъ бы полную возможность остановить дальнѣйшее развитіе кризиса, повидимому, не оказываетъ никакого воздѣйствія на своего союзника“. (Русская „Оранжевая Книга“, № 43).

29/16 іюля сэръ Эдуардъ Гошенъ телеграфировалъ сэру Эдуарду Грэю, что вечеромъ онъ повидался съ германскимъ канцлеромъ, „только что возвратившимся изъ Потсдама“, гдѣ онъ вѣроятно совѣщался съ кайзеромъ. При этомъ канцлеръ ясно указалъ, откуда дуетъ вѣтеръ, замѣтивъ сэру Эдуарду Гошену, что если Англія останется нейтральной, то Германія охотно дастъ обязательство не присоединять никакой части французской территоріи. На вопросъ же о французскихъ колоніяхъ, онъ воздержался отъ какихъ бы то ни было обѣщаній. (Англійская „Бѣлая Книга“ № 85).

Слишкомъ поздно.

Нѣсколько часовъ спустя, германскій канцлеръ снова бесѣдовалъ съ англійскимъ посланникомъ и выразилъ сожалѣніе, что „событія развились слишкомъ быстро, вслѣдствіе чего теперь уже поздно дѣйствовать въ духѣ вашего (сэра Эдуарда Грэя) предложенія, чтобы сербская нота была положена въ основаніе новыхъ переговоровъ“ (Англійская „Бѣлая Книга“, № 75).

Въ тотъ же день германскій посланникъ въ Петербургѣ посѣтилъ Сазонова и высказался въ пользу дальнѣйшихъ переговоровъ, между Петербургомъ и Вѣной, на что Сазоновъ отвѣтилъ согласіемъ (Русская „Оранжевая Книга“, № 49). Въ тотъ же день сэръ Эдуардъ Грэй попросилъ германское правительство „предложить какую-нибудь конкретную форму для осуществленія идеи посредничества между Австріей и Россіей въ принципѣ уже принятую германскимъ правительствомъ.

На это германское министерство иностранныхъ дѣлъ

дало отвѣтъ, что оно ничего не можетъ сдѣлать изъ опасенія, что если оно сдѣлаетъ своей союзницѣ какое-нибудь предложеніе, которое могло бы быть принято за давленіе, то это могло бы „побудить ихъ (Австрію) ускорить ходъ событій и представить fait accompli". (См. письмо сэра Эдуарда Гошена къ сэру Эдуарду Грэю отъ 29/16-го іюля, Англійская „Бѣлая Книга", № 76).

Послѣдняя недостойная уловка.

Эта послѣдняя и наихудшая уловка имѣла цѣлью выиграть время, чтобы дать Австріи возможность продвинуться къ Бѣлграду. Германія какъ-будто предполагаетъ, что Австрія не только можетъ не исполнить желанія своей могущественной союзницы въ вопросѣ, имѣющемъ такое громадное значеніе для нихъ обѣихъ, но что она можетъ даже итти въ разрѣзъ съ желаніями Германіи. Между тѣмъ, это представляется совершенно немыслимымъ. Неужели на лицѣ германскаго статсъ-секретаря не было сардонической улыбки, когда онъ это говорилъ? Во время этого же разговора германскій статсъ-секретарь иронически замѣтилъ, что онъ не увѣренъ въ томъ, что попытки покончить дѣло миромъ не ускорили войну, какъ-будто война съ Сербіей не была рѣшена ими съ самаго начала конфликта.

Желая покончить съ этими уловками, британскій посланникъ въ Берлинѣ выразилъ мнѣніе, что когда Австрія удовлетворитъ требованіямъ своего военнаго престижа, то наступитъ благопріятный моментъ для выступленія четырехъ нейтральныхъ державъ съ цѣлью избѣжанія болѣе серьезныхъ осложненій.

Ничего не было сдѣлано.

На это предложеніе германскій статсъ-секретарь какъ-будто согласился, но по обыкновенію не было предпри-

нято рѣшительно ничего (Англійская „Бѣлая Книга“, № 76). Правда, 29/16 іюля германскій посланникъ завѣрялъ сэра Эдуарда Грэя, что германское министерство иностранныхъ дѣлъ „старается уговорить Вѣну дать Петербургу удовлетворительное объясненіе о цѣли и размѣрахъ австрійскихъ дѣйствій въ Сербіи“.

Но и въ этомъ случаѣ, сообщеніе, посланное германскимъ правительствомъ въ Вѣну, до сихъ поръ не опубликовано. (Англійская „Бѣлая Книга“, № 84).

Во время этого же свиданія сэръ Эдуардъ Грэй «просилъ, чтобы германское правительство предложило какую-нибудь форму, въ которую могло бы вылиться вліяніе четырехъ державъ съ цѣлью предупрежденія войны между Австріей и Россіей. Франція уже дала свое согласіе, такъ же какъ и Италія. Идея о посредничествѣ или о давленіи нейтральныхъ державъ могла быть осуществлена, если не въ той формѣ, какую я предлагалъ, то въ другой формѣ, болѣе пріемлемой для Германіи. Все было готово для посредничества и форма его всецѣло зависѣла отъ Германіи; Германіи оставалось только „подавить кнопку“ въ интересахъ мира“. (Англійская „Бѣлая Книга“, № 84).

Германія не „подавила кнопки“.

Однако Германія такъ и не „подавила кнопки“, хотя въ качествѣ болѣе сильнаго и вліятельнаго члена двойственнаго союза это не представляло для нея никакихъ затрудненій.

Въ тотъ же день австрійское правительство вручило сэру Эдуарду Грэю меморандумъ, въ которомъ говорилось, что графъ Менсдорфъ сказалъ, что война съ Сербіей должна идти своимъ чередомъ.

Ночью на 30/17 іюля британскому посланнику въ Берлинѣ было сообщено, что германское министерство иностранныхъ дѣлъ „еще не успѣло приготовить

отвѣтъ“ на предложеніе, чтобы Германія указала на какую-нибудь форму посредничества, но что вопросъ этотъ переданъ на разсмотрѣніе австро-венгерскаго правительства съ просьбой указать, „какая именно форма была бы для него удовлетворительной“ (Англійская „Бѣлая Книга“ № 10“).

На слѣдующій день германскій посланникъ сообщилъ сэру Эдуарду Грэю, что германское правительство постарается повліять на Австрію, чтобы, послѣ занятія Бѣлграда и приграничной сербской территоріи, она дала обѣщаніе пріостановить наступленіе, чтобы дать державамъ возможность заставить Сербію дать Австріи полное удовлетвореніе. Однако, если Германія и производила въ этомъ смыслѣ какое-нибудь давленіе на Вѣну, то документальное доказательство этого также осталось неопубликованнымъ. Во всякомъ случаѣ заявленіе это не дало никакихъ результатовъ, а между тѣмъ повторяемъ: искренній совѣтъ Германіи непремѣнно былъ бы принятъ ея болѣе слабой союзницей.

Австрія молчитъ.

Судя по опубликованнымъ документамъ, Австрія не дала никакого отвѣта на миролюбивое предложеніе Англіи, а тѣмъ временемъ импульсивный кайзеръ еще болѣе обострилъ кризисъ,ославъ Царю телеграмму, въ которой говорилось, что русская мобилизація, послѣдовавшая въ отвѣтъ на мобилизацію Австріи, затрудняетъ его посредническія усилія; на это Царь отвѣтилъ въ примирительномъ духѣ, указывая, что мобилизація Россіи предпринята лишь какъ мѣра самозащиты противъ Австріи.

Что оставалось дѣлать Россіи? Если Австрія продолжала мобилизоваться, то почему не могла дѣлать этого Россія?

Въ этотъ день, 30/17 іюля, германскій посланникъ въ Петербургѣ дважды видался съ Сазоновымъ. причемъ Сазоновъ далъ слѣдующую формулу, какъ основаніе для сохраненія мира:

„Если Австрія, признавъ, что ея конфликтъ съ Сербіей принялъ характеръ обще-европейскаго вопроса, заявитъ о своей готовности удалить изъ своего ультиматума тѣ пункты, которые умаляютъ принципъ сербской самостоятельности, то Россія обязуется остановить свои военныя приготовленія". (Русская „Оранжевая Книга" № 60).

Телеграмма принца Генриха.

Въ это время король Георгъ (англійскій) телеграфировалъ принцу Генриху Прусскому, что „англійское правительство прилагаетъ всѣ усилія, чтобы добиться согласія Россіи и Франціи пріостановить военныя приготовленія, если Австрія согласится удовлетвориться занятіемъ Бѣлграда и прилегающей къ нему сербской территоріи въ видѣ залога впредь до удовлетворенія ея требованій; въ то же время всѣ прочія державы также пріостановятъ свои военныя приготовленія". Далѣе король выражаетъ надежду, что кайзеръ употребитъ все свое могущественное вліяніе „чтобы побудить Австрію принять его предложеніе, и такимъ образомъ доказать, что Германія и Англія дружно работаютъ для предупрежденія событій, которыя могутъ превратиться въ международную катастрофу". (Вторая германская „Бѣлая Книга").

Это послѣднее предложеніе не было, однако, ни принято, ни отвергнуто, ибо несдержанный кайзеръ уже успѣлъ послать Россіи ультиматумъ, въ которомъ давалось двѣнадцать часовъ на демобилизацію, и никакая уважающая себя держава, а тѣмъ болѣе такая могущественная, какъ Россія, ни въ какомъ случаѣ не

могла бы согласиться на такое вызывающее требованіе.

Послѣдняя попытка Грэя.

Какъ разъ послѣ врученія этого требованія, сэръ Эдуардъ Грэй сдѣлалъ послѣднюю попытку сохраненія мира, предложивъ Германіи позондировать въ Вѣнѣ, между тѣмъ какъ онъ позондируетъ въ Петербургѣ, чтобы узнать, не окажется ли возможнымъ, чтобы четыре нейтральныхъ державы предложили Австріи, что онѣ „обязуются принять всѣ мѣры, чтобы она получила отъ Сербіи полное удовлетвореніе всѣхъ своихъ требованій при условіи сохраненія въ цѣлости суверенныхъ правъ Сербіи и сербской территоріи“.

Сэръ Эдуардъ Грэй даже заявилъ германскому посланнику, что если это окажется непріемлемымъ и если Германія со своей стороны выступитъ съ какимъ нибудь удовлетворительнымъ предложеніемъ и оно не будетъ принято Россіей и Франціей, то „правительство Его Величества отойдетъ въ сторону и снимаетъ съ себя отвѣтственность за послѣдствія“; другими словами, Англія либо останется нейтральной, либо даже вмѣшается въ пользу Германіи и Австріи.

Въ этотъ же день британскій посланникъ въ Берлинѣ настойчиво просилъ германское министерство иностранныхъ дѣлъ „произвести давленіе на вѣнскія власти, чтобы онѣ во имя всеобщаго блага постарались успокоить Россію и выказали готовность продолжать переговоры въ дружескомъ духѣ“. И сэръ Эдуардъ Гошенъ доноситъ, что германскій министръ иностранныхъ дѣлъ отвѣтилъ, что „наканунѣ вечеромъ онъ просилъ Австрію отвѣтить на ваше послѣднее предложеніе и что изъ Австріи полученъ отвѣтъ, что австрійскій министръ иностранныхъ дѣлъ на утро узнаетъ, каковы желанія императора по этому вопросу“.

И опять текстъ письма, въ которомъ Германія „просила“ Австрію проявить миролюбіе, не приведенъ въ собраніи документовъ.

Оправданія Германіи.

Ссылка Германіи на то, что русская мобилизація заставила мобилизоваться и ее, не оправдываетъ войны. Мобилизація вовсе не обозначаетъ еще нападеніе, а лишь подготовку. Если Россія имѣла право мобилизоваться, когда мобилизовалась Австрія, то и Германія имѣла такое же право мобилизоваться, когда мобилизовалась Россія; изъ этого, однако же, далеко еще не слѣдуетъ, что одна изъ этихъ трехъ державъ имѣетъ право грозить войною, чтобы принудить остальныхъ демобилизоваться. Мобилизація является лишь подготовкой къ возможнымъ случайностямъ. Это безусловное право всякаго суверенаго государства и ни въ какомъ случаѣ не можетъ почитаться *casus belli*. Притязанія Германіи, что Россія не имѣетъ права вооружаться въ то время, когда Австрія вооружалась, быть можетъ съ цѣлью нападенія на Россію, по своей наглой заносчивости не имѣетъ параллели въ исторіи. Этимъ Германія третировала Россію какъ подчиненную, чуть ли какъ не вассальную державу.

Опрометчивый шагъ Германіи, съ цѣлью заставить свою могущественную сосѣдку прекратить военныя приготовленія предпринятыя для своей самозащиты, явился въ самый неподходящій моментъ, такъ какъ (1-го авг.) 19 іюля австро-венгерскій посланникъ впервые заявилъ русскому правительству о готовности Австріи совмѣстно обсудить по пунктамъ австрійскій ультиматумъ къ Сербіи, и тогда же было рѣшено, что какъ текстъ ультиматума, такъ и всѣ вытекающіе изъ него вопросы подвергнутся обсужденію въ Лондонѣ. (Телеграмма британскаго посланника въ Вѣнѣ къ сэру Эдуарду Грэю отъ 1-го авгу-

ста/19 іюля 1914 года). Сэръ Эдуардъ Грэй поспѣшилъ довести объ этомъ до свѣдѣнія британскаго посланника въ Берлинѣ, прибавивъ, что еще возможно сохранить миръ „при условіи, чтобы можно было выиграть хотя немножко времени, прежде чѣмъ одна изъ великихъ державъ начнетъ военныя дѣйствія". (Англійская „Бѣлая книга" № 131).

Однако кайзеръ, предъявленіемъ Россіи своего вызывающаго ультиматума о демобилизаціи въ двѣнадцатичасовой срокъ, зашелъ уже слишкомъ далеко и подъ вліяніемъ наглой потсдамской военной клики „спустилъ съ цѣпи военныхъ псовъ".

Выводы.

Таковы факты, какъ они изложены въ оффиціальныхъ документахъ, и на мой взглядъ безпристрастный трибуналъ постановилъ бы слѣдующій приговоръ:

1) Германія и Австрія въ моментъ глубокаго мира тайно согласились заставить Европу и Сербію подчиниться ихъ волѣ въ вопросѣ, нарушавшемъ европейское равновѣсіе. Не вполнѣ установлено, что онѣ тѣмъ самымъ сознательно стремились вызвать Европейскую войну, чтобы установить свое господство въ Европѣ; однако все ихъ поведеніе дѣлаетъ такое предположеніе вполнѣ возможнымъ. Онѣ сдѣлали войну почти неотвратимой тѣмъ, что a) предъявили ультиматумъ, который былъ грубъ по формѣ и несправедливъ и совершенно не соотвѣтствовалъ обстоятельствамъ вызвавшимъ его, и b) дали Сербіи и Европѣ слишкомъ мало времени для обсужденія правъ и обязанностей всѣхъ заинтересованныхъ державъ.

2) Германія все время имѣла полную возможность заставить Австрію сохранять разумный и примирительный курсъ, но никогда этой возможностью не пользовалась съ достаточной настойчивостью. Наоборотъ, она безу-

словно поддерживала, а быть можетъ и провоцировала Австрію въ ея неразумномъ курсѣ.

3) Англія, Франція, Италія и Россія все это время искренно работали въ пользу сохраненія мира, и съ этой цѣлью не только игнорировали первоначальный проступокъ Австріи, но и дѣлали всевозможныя уступки въ надеждѣ сохраненія мира.

4) Послѣ того какъ Австрія мобилизовала свою армію, Россія имѣла полное право мобилизовать свои силы. При такихъ условіяхъ, мобилизація была правомъ суверенаго государства, и пока русскія военныя силы не переходили границъ и вообще не предпринимали никакихъ враждебныхъ дѣйствій, никакая другая держава не имѣетъ никакихъ основаній жаловаться, ибо всякая держава имѣла право принимать такого рода подготовительныя мѣры.

5) Германія неожиданнымъ объявленіемъ войны Россіи за отказъ произвести демобилизацію, въ то время какъ остальныя державы шли на всевозможныя уступки, а мирные переговоры еще продолжались, вызвала всеобщую войну.

Пишущій эти строки съ великимъ сожалѣніемъ пришелъ къ вышеприведеннымъ выводамъ, ибо онъ относится съ глубокимъ сочувствіемъ къ германскому народу и восхищается его идеалами и его несравненными завоеваніями въ области прогресса. Еще большее восхищеніе вызываетъ въ немъ необычайное мужество, съ которымъ германская нація, окруженная со всѣхъ сторонъ могучими врагами, борется теперь за свою національную честь. Беззавѣтная преданность этой націи своему флагу достойна лучшихъ традицій тевтонской расы. Но все это нисколько не умаляетъ этической правды, которая стоитъ въ сторонѣ отъ какихъ бы то ни было національныхъ соображеній, и не можетъ вліять на

выводъ, что германская нація была вовлечена въ эту катастрофу своими хитрыми дипломатами и самомнѣніемъ своего чрезмѣрно сангвиническаго кайзера, который въ XX-мъ столѣтіи еще искренно считаетъ себя помазанникомъ Всемогущаго Бога, и потому непогрѣшимымъ.

Въ постановкѣ приговора, высокій трибуналъ цивилизаціи отдѣлитъ военную касту, которая, во главѣ съ кайзеромъ и кронпринцемъ, вызвала настоящую катастрофу, отъ германскаго народа.

Сама таинственность заговора, направленнаго противъ европейскаго мира, и воздержаніе отъ сообщенія германскому народу вышеуказанныхъ документовъ указываютъ, что нынѣшняя война является преступленіемъ не только передъ цивилизаціей, но и передъ обманутымъ германскимъ народомъ. У германскаго народа есть идеалы, онъ прогрессивенъ и миролюбивъ, между тѣмъ, какъ идеалы его военной касты достойны темнаго средневѣковья.

Придетъ день, когда германскій народъ узнаетъ всю правду, и тогда наступитъ страшное возмездіе для тѣхъ, которые столкнули въ бездну ужасовъ эту благородную и миролюбивую націю.

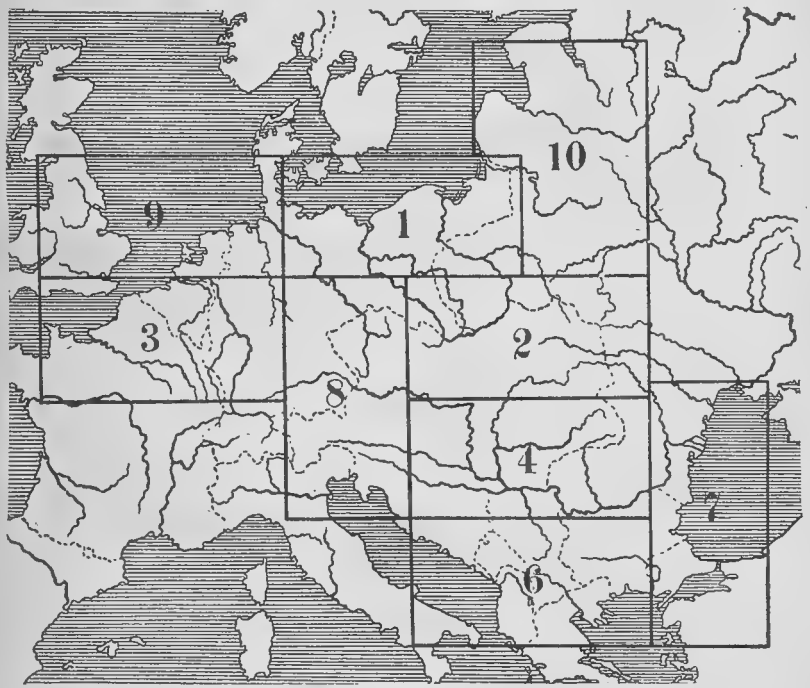
Переводъ съ англійскаго І. А. Маевскаго.

Государств. публичная историческая библиотека РСФСР

Книгоиздательство І. А. МАЕВСКАГО.
Москва, Скатертный пер. 27. Тел. 5-30-33.

Двадцатипятиверстная карта Европы 1914 года.

Масштабъ 25 в. въ дюймѣ. Составлена по подробнѣйшимъ картамъ Флемминга и Генеральнаго Штаба. Отпечатана въ 6 красокъ.



№ 1. Прусско-Польскій районъ.
№ 2. Галиційскій районъ.
№ 3. Франко-Германскій р.
№ 4. Придунайскій районъ.
№ 5. Русско-Турецкій (Кавказскій) районъ.
№ 7. Черноморскій районъ (съ проливами).
№ 8. Австро-Итальянскій р.
№ 10. Литовско-Прибалтійскій р.

Остальныя части печатаются.

Цѣна каждой части съ соотвѣтствующимъ **указателемъ** въ 2000—3000 названій—**50 коп.**

Всѣ части **приставныя** и вмѣстѣ составляютъ одну **цѣльную карту.**

МЕЖДУНАРОДНАЯ БИБЛІОТЕКА ВОЙНЫ.

Библіотека стремится дать русскому общественному мнѣнію возможность ознакомиться съ лучшими произведеніями литературы союзниковъ и ихъ друзей, посвященными нынѣшней войнѣ, и поднимаемыми ею проблемами. Ближайшіе выпуски будутъ состоять изъ переводовъ замѣчательной серіи изданій Оксфордскаго Университета (Oxford Pamphlets).

1. *Джемсъ М. Бэкъ.*—**На Верховномъ Судѣ Цивилизаціи** (Дѣло Тройственнаго Согласія и Двойственнаго союза). Ц. 15 коп.

2. *Рамзей Мюръ.* — **Національный Принципъ и Война.** Ц. 10 коп.

3. *Джэрардъ Колліэръ.* — **Основныя Идеи Британской политики.** Ц. 10 коп.

4. *Сэръ Валентайнъ Чиролъ.* — **Германія и „Русская Опасность“**, Ц. 10 коп.

5. *Ф. Морганъ и Х. Дэвисъ.* — **Политика Франціи съ 1871-го года.** Ц. 10 коп.

6. *Мюрей Бивенъ.* — **Политика Австріи съ 1867-го года.** Ц. 10 коп.

№№ 7—12 печатаются.

Цѣна 15 коп.